

Научная статья

УДК 343.988

DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-564-575

Становление и эволюционирование отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми в период X–XVII вв.

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
pkobets37@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. В настоящей работе автор исследовал проблематику становления и эволюционирования правового регулирования противодействия работорговле в России X–XVII вв. Предложенный генезис отечественных правовых основ пресечения работорговли основывается на историческом осмыслении имеющегося положительного правового опыта, который может способствовать более глубокому пониманию основных причин, обуславливающих совершенствование нормативных актов в сфере борьбы с торговлей людьми. Анализ развития отечественных законодательных норм, регулирующих меры ответственности в сфере работорговли, свидетельствует о том, что массовое возникновение и дальнейшее распространение рабства происходило в период с X по XII вв., а в XVII столетии произошло полное закрепощение всей массы свободного населения. Социальное неравенство, дискриминация населения, разрыв и расслоение обусловили общественные стандарты, связанные с куплей-продажей собственных граждан, а также их дальнейшую беспощадную эксплуатацию. Исследование эволюционирования отечественного законодательства, регулирующего меры ответственности в сфере работорговли, позволило автору выделить два основных этапа данного процесса: первый — вступление в силу ст. 61 Русской Правды, регламентирующей наказание за работорговлю, и второй — с начала применения ст. 9-й Судебника 1497 г. предусматривающей меру наказания в виде смертной казни в случае перепродажи свободного люда в холопы. В работе акцентируется внимание на том, что помимо свода законов Русского царства, акты Земских соборов периода сословно представительской монархии также содержали нормы, связанные с работорговлей. Автором делается вывод о том, что работорговля на Руси активно велась, поскольку ее многочисленные проявления отражаются в отечественных правовых памятниках анализируемого исторического этапа. В частности, в рассматриваемом историческом периоде отечественные законодатели разработали и приняли правовые нормы, которыми специально были предусмотрены виды ответственности за торговлю людьми. Эти законодательные положения фактически были предшественниками современных законодательных норм, предусматривающих правовые последствия в сфере незаконного обращения людей в невольников и последующую торговлю живым товаром.

Ключевые слова: генезис торговли людьми, системный анализ права, история уголовного законодательства, законодательство древнерусского государства, ответственность за ра-

© П. Н. Кобец

боторговлю, незаконная эксплуатация человека, совершенствование законодательных норм, развитие правового регулирования, эволюционирование отечественного законодательства

Для цитирования: Кобец П. Н. Становление и эволюционирование отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми в период X–XVII вв. // Вики-мология. 2025. Т. 12, № 4. С. 564–575. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-564-575

Research article

Formation and Evolution of Domestic Criminal Legislation in the Field of Combating Human Trafficking in the Period of the 10th-17th Centuries

Petr N. Kobets

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
pkobets37@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. In this paper, the author examines the problems of the formation and evolution of legal regulation of combating the slave trade in Russia in the 10th-17th centuries. The proposed genesis of domestic legal framework for suppressing the slave trade is based on a historical analysis of the existing positive legal experience, which can contribute to a deeper understanding of the main reasons for improving regulatory acts in the field of combating human trafficking. An analysis of the development of domestic legislation regulating liability measures in the field of slave trade shows that the mass emergence and subsequent spread of slavery occurred in the period from the 10th to the 12th centuries, and in the 17th century there was a complete enslavement of the entire mass of the free population. Social inequality, discrimination against the population, rupture and stratification determined social standards associated with the purchase and sale of their own citizens, as well as their further merciless exploitation. The study of the evolution of domestic legislation regulating measures of responsibility in the sphere of slave trade allowed the author to identify two main stages of this process: the first is the entry into force of Article 61 of the Russian Truth, regulating punishment for the slave trade, and the second is from the beginning of the application of Article 9 of the Code of Laws of 1497, which provides for a punishment in the form of death penalty in case of resale of free people into slaves. The work focuses on the fact that in addition to the code of laws of the Russian Tsardom, the acts of the Zemsky Sobors of the period of the estate-representative monarchy also contained norms related to the slave trade. The author concludes that the slave trade in Rus' was actively conducted, and its numerous manifestations are reflected in domestic legal monuments of the analyzed historical stage. In particular, in the historical period under consideration, domestic legislators developed and adopted legal norms that specifically provided for types of responsibility for human trafficking. These legislative provisions were in fact the forerunners of modern legislative norms providing for legal consequences in the area of illegal conversion of people into slaves and the subsequent trade in live goods.

Keywords: genesis of human trafficking, systemic analysis of law, history of criminal legislation, legislation of the ancient Russian state, responsibility for the slave trade, illegal exploitation of humans, improvement of legislative norms, development of legal regulation, evolution of domestic lawmaking

For citation: Kobets PN. Formation and Evolution of Domestic Criminal Legislation in the Field of Combating Human Trafficking in the Period of the 10th-17th Centuries. *Victimology*. 2025;12(4):564-575. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-564-575 (In Russ.)

Введение

Сегодня мировая общественность уделяет повышенное внимание проблематике современной работорговли. Однако, несмотря на то, что обозначенные вопросы стали объектом сфокусированного внимания глобального сообщества, пока что в значительной степени они продолжают оставаться неразрешенными. Именно по этой причине автору данной работы видится вполне уместным детальное изучение исторических составляющих проблематики становления и эволюционирования правового регулирования противодействия рабству и работорговле в Киевской Руси и Русском государстве в условиях X–XVII столетий. Как полагает автор, многие из современных вызовов и угроз, в том числе возникающие в рассматриваемой сфере, без основательного исследования отечественного правового опыта и, в целом, исторического прошлого будет сложнее разрешать. В силу объективных причин, будучи весьма социальным явлением, мировая работорговля получила свое распространение еще на заре становления мировой цивилизации. Среди основных форм начального периода работорговли была торговля невольниками. Постепенно, с развитием цивилизованного общества, особая важность стала отводиться правовым ограничениям и запретам различных форм рабства и работорговли, что свидетельствует о том, что во многих обществах позиция по отношению к данному явлению все больше становилась негативной. На протяжении долгих лет и исторических этапов во многих странах мира сформировалась необходимость в совершенствовании правовых основ противодействия различным формам рабства. В том числе подробные процессы происходили сначала в Древнерусском государстве, затем в Российской империи и по сей день продолжают активно развиваться в нашей стране.

Постановка проблемы

Ранее проведенные автором исследования убедительно свидетельствуют о том, что важнейшей составляющей и фундаментальной основой понимания потенциальных общественных рисков и причиняемого вреда преступными деяниями в сфере использования рабского труда и работорговли является исследование генезиса условий, способствующих возникновению и дальнейшему формированию криминализации этих негативных проявлений, а также мер ответственности за их совершение [1, с. 112]. Проведенное исследование становления и эволюционирования отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми в период X–XVII вв. поможет осмыслить дальнейшее эволюционирование анализируемых правовых основ, особенностей использования рассматриваемых правовых норм, а также пониманию того, какие из признаков способствовали образованию анализируемых составов преступления и были включены в уголовно-правовые нормы. Историко-юридическое исследование законодательных основ по регулированию общественных отношений в сфере противодействия работорговле, действовавших в различные времена и эпохи Российского государства, несомненно, будет способствовать полному пониманию того, какие именно признаки работорговли предпочтительнее включать в современную уголовно-правовую характеристику анализируемого преступного деяния.

Описание исследования

Как отмечают отечественные эксперты, в годы советской власти о существовании работорговли в Древнерусском государстве говорить было не принято, потому что, в соответствии с преобладающей в тот период марксистской концепцией, у племен восточных славян не существовало рабовладельческой формации. Они ее просто ми-

новали и перешли от первобытного строя сразу к феодализму [2, с. 112]. Однако ряд отечественных исследователей, как например, С. В. Бахрушин и С. В. Юшков, в своих научных работах вопреки устоявшимся традициям, научным взглядам и доминирующим точкам зрения о невозможности рабства в Киевской Руси, все-таки пытались выделять дофеодальный период в отечественной истории. В то же время некоторые из видных ученых, как, например, П. П. Смирнов, дискутируя и рассуждая по этому вопросу, также прямо утверждали, что древнерусскому обществу был присущ рабовладельческий характер, поскольку оно не могло миновать рабовладельческий строй [3, с. 112].

Анализ различных источников по анализируемой проблематике красноречиво свидетельствует о том, что еще в самом раннем средневековье на территории Русского государства, согласно установившимся традициям и обычаям, процессы владения невольниками, как и в целом вся работорговля, имели ограничения. Немаловажным фактом является и то, что нашими предками была надежно защищена личная свобода собственных граждан, которых они не обращали в рабов. Поэтому в рабство преимущественно попадали представители чужих племен, которых восточные славяне не держали в постоянной и неограниченной неволе, как это делали другие народы, а предлагали попавшим в плен узникам, уплатив выкуп, вернуться на родину либо остаться у них в статусе свободных [4, с. 41]. Такое основание рабства и работорговли, как пленение, было весьма широко распространено в пределах Руси еще с восьмого столетия. Пленные у восточных славянских племен были задействованы в хозяйственных отношениях. Сам же период нахождения невольников в рабстве был ограничен конкретно установленными временными границами.

Однако в связи с тем, что имущественное расслоение внутри древнерусских общин постепенно усиливалось, то и положение рабов также менялось. Примеча-

тельно и то, что развитие общественно-экономических связей в Древнерусском государстве в том числе влияло на формирование не только его социальной организации и устройства, но также и социальной структуры населения. Начиная с десятого столетия, русские документальные источники затрагивают тему о такой категории населения, как рабы, которые могли не только становиться объектами частной собственности глав патриархальных семей, но и являться товаром в процессе различных сделок. В частности, в древнеславянском памятнике права — Законе судному людем (Судебнике Царя Константина) — пленные могли выкупить себя из рабства. Челядинам позволялось это сделать, заплатив своим хозяевам требуемую от них сумму, либо же заключив договор отработать определенное время на земледельческих работах [5, с. 82]. В дальнейшем массовое распространение работорговли и рабства на территории Древнерусского государства отмечается отечественными учеными в период с десятого по двенадцатое столетие. При этом они утверждают, что рабовладение постепенно превращалось в экономические источники землевладения [6, с. 212]. Как справедливо отмечали отечественные историки, во многом вопросы экономического благосостояния Киевской Руси рассматриваемого периода держались именно на рабовладении. Именно по этой причине к началу двенадцатого столетия на территории этого государства рабство уже достигло огромных размеров [7, с. 243].

Рассматривая проблематику работорговли, нельзя обойти вниманием такой важный вопрос: каковы были основные источники рабства в древнерусском государстве? Так, вплоть до начала одиннадцатого столетия правящий слой в древнерусском обществе был городской. Занимаясь преимущественно торговлей, приносившей приличные доходы, эти слои общества не обращали серьезного внимания на такой серьезный источник материального дохода, как землевладение. Поэтому скапливающиеся вследствие различных военных походов

рабы, называемые челядью, вывозились вместе с мехом, представлявшим основную статью государственного экспорта, за границу. Однако постепенно представители правящего класса начали отправлять челядь в сельскую местность для использования ее в сельскохозяйственных работах.

Вторым важнейшим источником пополнения рабов были семейные отношения, поскольку в случае заключения брака с несвободными лицами происходила потеря свободы лиц, вступающих с ними в супружеские отношения. В соответствии с нормами Русской Правды, являющейся основным законодательным актом рассматриваемого исторического периода, вступление в брак с рабынями без договоров с их господами приводило к вступлению в рабство. Согласно существовавшим в рассматриваемый период общим правилам, дети, рождаемые в таких браках, становились также холопами, то есть рабами. Также немаловажным является и еще одно обстоятельство, а именно то, что согласно ст. 110 Пространной редакции Русской Правды, рожденные от рабынь дети до смерти их отцов считались рабами, а после смерти могли получить свободу вместе с их матерями, при этом они не могли иметь право наследования имущества умерших отцов [8, с. 110]. Наконец, третий источник, способствовавший обращению в рабов свободных людей в Древнерусском государстве, — обязательства, которые были двух видов. Исполнение первых приводило к попаданию в рабство, когда люди сами нанимались на работу для личного служения князьям и боярам, тем самым по своей воле лишаясь личной свободы. Исполнение вторых было связано с обстоятельствами, приводящими к рабству в случаях их невыполнения — в частности, договора займа [9, с. 137]. Таким образом, обозначенное выше свидетельствует о том, что люди могли выступать в качестве предметов гражданско-правовых сделок.

Хотелось бы отметить особо, что в начале двенадцатого столетия, в соответствии с обновившимися нормами Русской

Правды, появляется упоминание не только о такой категории рабов, как челядь, но и о смердах и холопах. Сразу следует указать, что на тот момент в стране имелось две категории жителей: служивые и не служивые. Главную часть русского общества составляли широкие массы свободных общинников и простого народа, жившего разнообразными обществами. Однако, несмотря на это, часть норм, прописанных в Пространной редакции Русской Правды, были предназначены специально для правового регулирования общественных отношений с рабами, которые именуется в данном законодательном акте челядью, смердами, либо холопами. Как отмечают отечественные ученые, главный производственный ресурс и элемент производства княжеских поместий выстраивался именно из рабов, называемых холопами, которые с правовых позиций не были полноправным субъектом права, более того, дети холопов приравнивались к приплоду от скота [10, с. 73]. И, соответственно, на основании этого можно с уверенностью утверждать, что если в рассматриваемый период было специальное правовое регулирование данной социальной группы, то она, вне всякого сомнения, была достаточно большой. Примечательно и то, что холоп вообще не обладал правовым статусом, поскольку в принципе лишался всяческих прав.

Непреренно следует отметить, что анализируемое древнерусское законодательство в принципе не давало никакой возможности холопам обладать какими-либо из имеющих место быть в тот исторический период «имущественными правами и правами собственности, за исключением прав на вещи, находящиеся при них, а также запрещалось принимать на себя обязательства по вступлению в какие-либо отношения [11, с. 85]. При этом важно отметить, что в соответствии со ст. 89 Пространной редакции Русской правды, в случае убийства холопа кем-то из свободных граждан в качестве возмещения вреда его хозяину полагалось от пяти до двенадцати гривен. Этот размер компенсации ответчику за уби-

того чужого раба устанавливали исходя из хозяйственной значимости убиенного раба. В случае убийства собственных холопов данные деяния их хозяев не только не воспринимались как что-то незаконное, но и с юридической точки зрения не квалифицировались в качестве преступного посягательства. И если подобное происходило, то от владельца требовалось только покаяться о содеянном в храме. Соответственно, совершение убийства холопа считалось только грехом, что еще раз свидетельствует об особом статусе холопов, поскольку они, по сути, являлись господскими вещами, которыми хозяева могли распоряжаться как им было угодно. Таким образом, рабы были людьми, которые находились только под защитой религиозных норм.

И все-таки, несмотря на это, жизнь холопов охраняли, как и остальное имущество их господ. К примеру, в ст. 11 Краткой редакции Русской Правды прописаны механизмы по истребованию челядина путем объявления о пропавшей вещи и обязанности незаконных владельцев в течение трех дней возвратить эту вещь, а не возвратившему виновному лицу полагалось заплатить 3 гривны за нанесение обиды [12, с. 54]. Де-факто в качестве наказания за совершенные хищения людей виновным лицам вменялась покупка ранее украденных у бывших владельцев новых рабов. Однако, несмотря на это, в соответствии со ст. 61 анализируемого законодательного акта господину все же строжайше запрещалось производить продажу холопов. Соответственно, правовые нормы рассматриваемого исторического периода устанавливали запреты на работорговлю только в некоторых обстоятельствах. В связи с этим важно отметить, что законодательные положения, изложенные в ст. 61, в сущности, фактически были предшественниками современных правовых норм, предусматривающих правовые последствия в сфере незаконного обращения людей в невольников и последующую торговлю живым товаром.

В то же время Краткая редакция Русской Правды содержала ряд норм, которыми

были определены меры ответственности виновных в истязании, похищении, убийстве, а также укрывательстве чужих рабов несмотря на то, что христианской церковью осуждались подобные действия с невольниками [13, с. 307]. В том числе в ст. 29 был определен размер взимаемых штрафных санкций виновных в уводе и краже холопов. При этом невозможно игнорировать то обстоятельство, что величина данного финансового взыскания в значительной мере была выше размеров санкций в случае убийства холопов. В том числе примечательно и то обстоятельство, что, как указано в ст. 35 анализируемого законодательного акта, сумма, которую должен был уплатить виновный в случае хищения холопа, была в четыре раза выше той, которую необходимо было уплатить в случае хищения какой-либо вещи [14, с. 61].

Немаловажным фактом является и еще одно обстоятельство, а именно то, что в Пространной редакции Русской Правды в ст. 38 мы отчетливо видим, как законодателями рассматриваемого исторического периода воспроизводятся правовые положения Краткой редакции Русской Правды, связанные с похищением рабов в корыстных целях и дальнейшей их куплей-продажей. Так, например, в тех случаях, когда похищенные челядины продавались трижды новыми владельцами, то розыск злоумышленников передавали от первого владельца третьему. При этом третьи владельцы похищенных челядинов были обязаны отдать первому владельцу своего раба. Тем самым мы видим, как законодатели стремились защитить в первую очередь права собственников, возмещая им причиненный ущерб.

Помимо Русской Правды, запреты, связанные с похищением человека, содержали еще ряд правовых актов, которые являлись собственными нормативными правовыми грамотами отдельных областей Русского государства [15, с. 12]. Среди таковых наибольшей известностью обладают Смоленская, а также Псковская и Новгородская судные грамоты. Так, в частности, к запретам, которые подлежали ведению церков-

ных судов, которые указывает Смоленская уставная грамота 1136 г. двенадцатого столетия, относится кража невесты до вступления ее в брачные отношения [16, с. 147]. При этом немаловажно отметить, что, согласно правовым положениям, изложенным в Псковской судной грамоте, виновных казнили при совершении хищения людей для последующей их продажи. В то же время самой дефиниции, определяющей рассматриваемые преступные деяния, правовые нормы Древнерусского государства не содержали, но в то же время взамен этих понятий в нормативных актах употреблялся другой термин — незаконное обращение в рабство. Тем не менее, несмотря на ряд предпринимаемых законодательных мер, направленных на борьбу с работорговлей, она не прекращала своего существования, о чем подчеркивал в своей научной работе «Русская история» основоположник социально-экономического направления российской историографии, заслуженный профессор Московского университета Василий Осипович Ключевский [17, с. 112].

Важно отметить, что на тот момент прогрессирующая феодальная раздробленность, вместе с которой происходило развитие товарно-денежных, торгово-экономических, а также рыночных связей, способствовала включению в данные хозяйственные отношения, в первую очередь, представителей сельской местности. В период развития обозначенных процессов русские князья приобретали более самостоятельный статус, высвобождаясь от центральных властей, стимулировали освоение новых земель, принимая на работу представителей беглого крестьянства, которое было полностью бесправным [18, с. 95]. В таких удельных владениях и вотчинах одновременно с этими процессами стали развиваться институты и органы по принуждению населения. Последовавшее за этими событиями татаро-монгольское иго, действовавшее до середины пятнадцатого столетия, несло в себе захват пленных с превращением их в рабов и дальнейшей их эксплуатацией, продажей и обменом. Все

это привело к тому, что развитие русского государства, как и самого права, было, по сути, отброшено на три века назад и постепенно стало восстанавливаться только в процессе объединения русских земель, инициированного Московским княжеством.

Чтобы сформировать единую государственную управленческую структуру и судебную систему, в 1497 году издается Судебник, ставший первым кодифицированным законодательным актом, содержащим конституционные и уголовно-правовые нормы. Данным законодательным актом были введены единые правовые правила для всех земель, которые объединил Великий князь Московский. В том числе данный законодательный акт содержал нормы, допускавшие возможность применять смертную казнь в случае работорговли. В то же время необходимо учитывать, что широко применяться подобная норма не могла в силу существенной автономной власти, которой все еще могли обладать князья. Только с принятием Судебника 1550 года круг вопросов, которые регламентировала центральная власть, существенно расширился, в том числе возникли правовые составы, связанные с хищением людей. Указанный законодательный акт определил правовой статус холопов, которые, по сути дела, продолжали оставаться бесправными [19, с. 39]. При этом Судебником 1497 года в существенной мере происходило усиление закрепощения крестьянства, в частности, потому, что данным законодательным актом вводился «Юрьев день (26 ноября) когда крестьянам разрешалось уйти от своих хозяев за неделю до него и в течение недели после» [20, с. 116]. О том, что продажа людей процветала в это время, свидетельствуют правовые нормы ряда законодательных актов. Так, например, Судебник 1497 года содержал статью 9, предусматривающую меру наказания в виде смертной казни в случае головной татбы — хищения и дальнейшей перепродажи свободного люда в холопы [21, с. 119].

Кроме того, в анализируемом законодательном акте была статья 43, как и в Судебнике 1550 года статья 71, в соответствии

с которыми надзиратели за гражданами, заключенными и задержанными в случае совершения разного рода правонарушений, не имели права отпускать, продавать либо убивать всех этих лиц [22, с. 117]. Немаловажно и то, что данными правовыми нормами была закреплена уголовная ответственность специальных субъектов торговли людьми, которыми в соответствии с обозначенными законодательными нормами являлись должностные лица. Совершенно очевидно, что законодатели того времени не стремились снизить довольно распространенные преступные посягательства в отношении личной свободы граждан, а пытались лишь уголовно-правовыми мерами противодействовать злоупотреблениям должностных лиц. Примечательно, что в дальнейшем анализируемые злоупотребления продолжали процветать, поскольку подобную правовую норму в виде статьи 104 главы 21 введут и в принятом позднее Соборном уложении 1649 года [23, с. 58].

В 1581 г. Иваном IV отменяется статья 88 Судебника 1550 года (норма Юрьева дня). Им вводятся «Заповедные лета» (заповедь — запрет), в соответствии с которыми, не оговаривая сроки запретов, крестьяне не имели права уходить со своих мест жительства. В результате крестьянство окончательно лишилось свободы. В дальнейшем, в конце XVI столетия, после отмены Юрьева дня, окончательно оформляется закрепощение крестьянства [24, с. 62]. Причем во многих статьях Соборного уложения 1649 г. данный запрет также подтверждается. Более того ряд норм данного законодательного акта (ст. 11, 16, 34 и др.) приблизили вольных крестьян к статусу барщинных холопов. А в конце семнадцатого столетия уже происходит законодательное закрепление продажи крестьян без земельных наделов.

Таким образом, в семнадцатом столетии усиливается эксплуатация крестьянства, а развивающиеся товарно-денежные отношения еще больше стимулируют куплю-продажу крепостного люда. Поэтому совершенно закономерно существенная правовая деталь того времени, а именно

то, что законодательные нормы времен крепостного права не содержали санкций за торговлю гражданами, находящимися в статусе крепостных. Но при этом активно процветала незаконная торговля людьми, когда объектами продажи могли выступать свободные, а не крепостные люди. При этом нельзя не отметить, что все же некоторые законодательные ограничения по развитию дальнейшей крепостной зависимости простого населения в данный исторический период все-таки были. Так, например, в соответствии со статьей 20 Соборного уложения 1649 года несовершеннолетние лица до 15 лет не могли быть объектами понижения в правах и обращены в холопы. На основании статьи 92 беглые крестьяне в случае их поимки не могли быть убиты либо покалечены. В соответствии со статьей 97 главы двадцатой запрещалась продажа крещеных людей. А на основе статьи 19 главы двадцать первой виновные в похищении лиц женского пола приговаривались к смертной казни [25, с. 115].

Специально хотелось бы акцентировать внимание на том, что акты Земских соборов периода сословно представительской монархии, имевшие важнейшее значение в законодательской и исполнительной деятельности, также содержали нормы, связанные с работоторговлей. Значимость данных законодательных актов существенно возросла в периоды междоусобицы. Так, например, «в приговоре Земского собора Первого Ополчения от 30 июня 1611 г. в ст. 23 было подтверждено право вотчинников и помещиков на крестьян и холопов» [26, с. 68]. В то же время в этот период вводились запреты на продажу татарского населения, принявшего православную веру, потому как, согласно государеву указу, крещеные люди не могли быть объектом купли и продажи. Хотелось бы отметить, что до настоящего времени точно неизвестно, каким именно образом произошло полное закрепощение всей массы свободных граждан России. На сегодняшний день среди исследователей преобладают две точки зрения по этому вопросу. Согласно первой, в 1592 г.

Борисом Годуновым издается указ, которым было введено крепостничество в России. Однако данный законодательный акт так и не дошел до нашего времени. Согласно второй позиции, процессы закрепощения россиян происходили постепенно, в том числе без законодательной воли [27, с. 32].

Заключение

Подытоживая анализ развития законодательных норм, регулирующих меры ответственности в сфере работорговли периода X–XVII столетий, важно подчеркнуть, что в начале восьмого века в качестве рабов в Древнерусском государстве считали лиц, которых угоняли в рабство во время военных походов. Захваченные люди лишь недолгое время оставались в этом статусе, постепенно превращаясь в полноправных членов древнерусского общества. Массовое возникновение и в дальнейшем распространение рабства на территории Древнерусского государства отмечается отечественными учеными в период с десятого по двенадцатое столетие, а в семнадцатом веке уже произошло полное закрепощение всей массы свободных россиян. При этом, несмотря на то, что во времена крепостного строя такого понятия, как рабство, в буквальном смысле не существовало, русские крепостные по своей сути являлись самыми настоящими рабами, поскольку было разрешено их продавать, приобретать, закладывать в банках, дарить и обменивать.

Российское историческое прошлое свидетельствует о том, что индивидуальные признаки классового подхода к разным социальным группам, сегментам и классам общества, вне всякого сомнения, присутствовали с момента зарождения русской государственности. В связи с этим в нем имели место быть социальное неравенство, диспаритет и дискриминация населения, а также социальный разрыв и, соответственно, расслоение на состоятельных, малоимущих и нищих. Это обусловило общественные стандарты, связанные с куплей-продажей граждан, а также их беспощадную эксплуатацию. Поэтому

возникновение и последующее укрепление феодализма в Русском государстве не было беспричинным. Немаловажно и то, что данные процессы шли по европейским стандартам: от общественных учреждений и государственного управления к частной собственности и личным имениям.

В процессе анализа генезиса правовых отношений в сфере работорговли в период становления Русского государства автор считает необходимым специально отметить, что истоки несвободы людей разделялись на три группы. К первой группе относились, как правило, рабы, захваченные в качестве трофея во время военных сражений. Вторую группу составляли невольники от рождения. А происхождение их зависимости от господина объясняется несвободой их родителей, которых могли пленить, либо же ими было совершено какое-либо противоправное деяние, также возможно, что они не смогли расплатиться с долгами. Третья группа невольников возникала вследствие личного найма свободных граждан либо неисполнение договора о займе, что впоследствии влекло за собой рост рабства коренного населения.

Исследуя эволюционирование отечественного законодательства X–XVII столетий, регулирующего меры ответственности в сфере работорговли, автор полагает, что, учитывая позиции отечественных ученых и основываясь на ранее проведенных исследованиях, целесообразно выделить два основных этапа данного процесса. Первым этапом можно считать вступление в силу ст. 61 Русской Правды (смешанного уголовно-гражданского деликта, устанавливавшего меры гражданской и уголовной ответственности), регламентирующей наказание за работорговлю, в соответствии с которой господину строжайше запрещалось производить продажу холопов. А вторым этапом логично было бы считать начало применения ст. 9 Судебника 1497 г., предусматривающей меру наказания в виде смертной казни в случае хищения и дальнейшей перепродажи свободного люда в холопы, а также ст. 104–1 Уложения 1649 г., наказа-

вавшую за должностные противоправные деяния, к которым в том числе относились различные незаконные действия должностных лиц по отношению к гражданам, находящимся в подневольном состоянии.

Таким образом, в рассматриваемом историческом периоде Русского государства работорговля активно велась. Ее проявления отражаются в различных отечественных правовых и исторических памятниках. В стране действовали правовые нормы, которыми специально были предусмотрены виды ответственности за торговлю людьми. Эти законодательные основы устанавливали запреты на работорговлю при опреде-

ленных обстоятельствах. Примечательно и то, что в упомянутых правовых актах нет четкого правового определения механизма торговли людьми, несмотря на широкое распространение на тот момент данного явления. В целом можно отметить, что проанализированные законодательные положения фактически были предшественниками современных правовых норм, предусматривающих правовые последствия в сфере незаконного обращения людей в невольников, их трудовую эксплуатацию, а также последующую незаконную торговлю «живым товаром».

Список источников

1. Кобец П. Н. Характеристика жертв преступлений, совершаемых в сфере торговли людьми и использовании рабского труда // Виктимология. 2025. Т. 12, № 1. С. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-1-7-17>
2. Ванюшева Я. В. Историко-правовой анализ института ограничения торговли людьми в России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 2. С. 111–114.
3. Смирнов И. И. О генезисе феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 1933, № 3–4.
4. Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2010. 336 с.
5. Закон Судный людем краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. Москва: Академия наук СССР, 1961. 179 с.
6. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права / Соч. А. Лохвицкого, д-ра прав. 2-е изд., испр. и доп., сведенное с кассационными решениями. — Санкт-Петербург: скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. IV, 704 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В. Л. Янина. Москва: Мысль, 1987. 430 с.
8. Левченко В. И. Природа, закон и рабство в России. 2-е, доп. изд. Москва: Вече, 2005. 239 с.
9. Мартыченко Н. Э. Исторический и зарубежный опыт обеспечения безопасности граждан от похищения // Труды Академии МВД РФ. Москва, 1995. С. 129–138.
10. Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). — Москва: Наука, 1973. 391 с.
11. Ванюшева Я. В. Генезис термина «торговля людьми» в контексте международного права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 1. С. 84–87.
12. Российское законодательство X–XX веков в девяти томах. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. Москва: Юридическая литература, 1984. 430 с.
13. Греков Б. Д. Правда Русская: в 2 т. Т. 2. Комментарии / Б. Д. Греков, Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов; Институт истории академии наук СССР. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 862 с.
14. Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва, 1984. Т. 1. 431 с.
15. Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв.- Москва: Наука, 1972. 338 с.
16. Колесов Н. Б. Княжеские уставы X–XII вв. как правовая основа материального обеспечения

собственности русской православной церкви // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 146–148.

17. Ключевский В. О. Русская история. Москва: Эксмо, 2009. 905 с.

18. Владимирский-Буданов М. В. Обзор истории русского права. Москва: Территория будущего, 2005. 800 с.

19. Малясов Р. А. Право в период образования Русского централизованного государства // Право и управление. 2023. № 9. С. 38–40. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-38-40>

20. Головин В. В. Почему «Юрьев день» в Юрьев день: версия // Клио. 2012. № 12(72). С. 116.

21. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: Сравнит. очерк важнейших отд. особен. части старого и нового уложений. Москва: Унив. тип., 1905. VIII, 408 с.

22. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (очерки социально-политической истории). Москва: Мысль, 1982. 333 с.

23. Федорова А. Н. Соборное Уложение 1649 г. в системе источников права // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3(14). С. 56–60.

24. Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 г. Москва, 1968. 330 с.

25. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. Москва: Изд- во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

26. Памятники истории смутного времени / под ред. А. И. Яковлева. Москва, 1909. № 21. С. 65–70.

27. Суслина И. А. К вопросу о закреплении свободного населения в России (XV–XVII вв.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4(33). С. 31–35.

References

1. Kobets PN. Characteristics of victims of crimes committed in the sphere of human trafficking and the use of slave labor. *Victimology*. 2025; 12(1):7–17 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-1-7-17>

2. Vanyusheva Ya V. Historical and legal analysis of the institution of limiting human trafficking in Russia. *Business in law. Economic and legal journal*. 2016;(2):111-114. (In Russ.).

3. Smirnov II. On the genesis of feudalism. *Problems of the history of material culture*. 1933;(3-4). (In Russ.)

4. Froyanov I. Ya. *Dependent people of Ancient Rus (servants, serfs, tributaries, smerds)*. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).

5. *The Law of the Judgment of People, abridged version* / Ed. by M. N. Tikhomirov, L. V. Milov. Moscow; 1961. (In Russ.).

6. Lokhvitsky AV. *Course of Russian criminal law / Works of A. Lokhvitsky, Doctor of Law*. 2nd ed., corrected and supplemented, summarized with cassation decisions. St. Petersburg; 1871. (In Russ.).

7. Klyuchevsky VO. *Works: In 9 volumes*. Vol. I. Course of Russian history. Part I / Ed. V. L. Yanin. Moscow; 1987. (In Russ.).

8. Levchenko VI. *Nature, Law and Slavery in Russia*. 2nd, additional ed. Moscow; 2005. (In Russ.).

9. Martychenko NE. Historical and foreign experience in ensuring the safety of citizens from kidnapping. *Works of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 1995:129–138. (In Russ.).

10. Zimin AA. *Serfs in Rus' (from ancient times to the end of the 15th century)*. Moscow; 1973. (In Russ.).

11. Vanyusheva Ya V. Genesis of the term “human trafficking” in the context of international law. *Business in law. Economic and legal journal*. 2015;(1):84-87. (In Russ.).

12. *Russian legislation of the 10th-20th centuries in nine volumes*. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus' / Ed. V. L. Yanin. Moscow; 1984. (In Russ.).

13. Grekov BD. *Truth Russian: in 2 volumes*. Vol.2. Comments / BD. Grekov, BV. Aleksandrov, VG. Gaiman, GE. Cochin, NF. Lavrov, BA. Romanov; Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Moscow; 1947. (In Russ.).

14. *Russian legislation of the 10th-20th centuries* / Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow; 1984, Vol. 1. (In Russ.).
15. Shchapov Ya N. *Princely statutes and the church in ancient Rus'. XI–XIV centuries*. Moscow; 1972. (In Russ.).
16. Kolesov NB. Princely charters of the 10th-12th centuries as a legal basis for the material support of the property of the Russian Orthodox Church. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2007;(4):146-148. (In Russ.).
17. Klyuchevsky VO. *Russian history*. Moscow; 2009. (In Russ.).
18. Vladimirovskiy-Budanov MV. *Overview of the history of Russian law*. Moscow; 2005. (In Russ.).
19. Malyasov RA. Law during the formation of the Russian centralized state. *Law and Management*. 2023;(9):38-40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-38-40>
20. Golovin VV. Why “Yuryev’s Day” on Yuryev’s Day: version. *Klio [Clio]*. 2012;(12):116. (In Russ.).
21. Poznyshchev SV. *Special part of Russian criminal law: Comparative essay on the most important separate special parts of the old and new codes*. Moscow; 1905. (In Russ.).
22. Zimin AA. *Russia at the turn of the 15th – 16th centuries: (essays on socio-political history)*. Moscow; 1982. (In Russ.).
23. Fedorova AN. Cathedral Settlement 1649 in the system of sources of law. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2014;(3):56-60. (In Russ.).
24. Koretsky VI. Novgorod affairs of the 90s of the 16th century // *Archaeographic yearbook for 1966*. Moscow; 1968. (In Russ.).
25. Tikhomirov MN., Epifanov PP. *Cathedral Settlement of 1649*. Moscow; 1961. (In Russ.).
26. *Monuments of the History of the Time of Troubles* / Ed. by AI. Yakovlev. Moscow, 1909;(21):65-70. (In Russ.).
27. Suslina IA. On the issue of enslavement of the free population in Russia (15th-17th centuries). *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2016;(4):31-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr N. Kobets

Doctor of Law Sciences, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

25 bul. 1 Povarskaya str., Moscow 121069, Russia.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.09.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.10.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 12.11.2025.